

В.А. Квашин

Вологодский государственный университет

ДВА КАТОНА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КАТОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ»

В статье прослеживается развитие в античной традиции литературно-риторического образа выдающегося государственного деятеля Римской республики II в. до н.э. Марка Порция Катона Старшего Цензора, обозначенного как «катоновская легенда». Ее создателями является группа римских интеллектуалов, сложившаяся вокруг Марка Туллия Цицерона. Одной из особенностей формирования «катоновской легенды» стало то, что личностные характеристики и нормы поведения одного из ее создателей, Марка Порция Катона Младшего, были перенесены на Катона Старшего, заложив определенную традицию восприятия его фигуры в античной историографии.

Древний Рим, Катон Старший, Катон Младший, античная историография, стоицизм.

Одним из самых популярных героев республиканского Рима в античной историографии был сенатор незнатного происхождения, консул 195 г. до н.э. и цензор 184 г. до н.э. Марк Порций Катон Старший, ставший зримым символом своей эпохи. Красочно описанная древними авторами личность Катона, однако, зачастую заслоняет исторический смысл его деятельности. Вопрос о достоверности созданного традицией образа Катона может показаться частным и второстепенным, но он приобретает значимость в том случае, если в этом образе видеть не только описание характера конкретного индивида, но и отражение коллективной системы ценностей, присущих данному социуму в конкретную историческую эпоху¹. В этой связи крайне важным является вопрос о качестве античной традиции – насколько цельный и непротиворечивый образ Катона она дает. Для того чтобы проверить это, обратимся к двум наиболее крупным источникам – сочинениям Тита Ливия и Плутарха.

В 39-й книге своего труда Ливий дает следующую характеристику Катона: «Надо признать, он отличался тяжелым нравом, был слишком откровенен и резок в речах, но зато недоступен для подкупа и лести, нелюбим и исключительно честен»². Это совпадает с оценкой, данной Катону в 32-й книге, где он назван «мужем благочестивым и безукоризненно честным»³. В 37-й книге Ливий вновь упоминает о высоком авторитете, который Катон заслужил своей примерной жизнью⁴. Однако буквально через несколько строк Ливий пишет о «преступном лжесвидетельстве» Катона против Манья Ацилия Глабриона⁵. Читатель

Тита Ливия, таким образом, оказывается во власти кажущегося неразрешимым противоречия, поскольку в рамках одного текста присутствуют два взаимоисключающих тезиса: о наличии у Катона гражданской чести и об отсутствии у него таковой⁶.

Отмеченная тенденция прослеживается и в биографии Катона, принадлежащей Плутарху, которая также содержит две явно отличающиеся части. В первой части (главы 1–4, 6–20, 25–27) действует безусловно положительный персонаж, являющийся образцом храбрости, скромности, воздержанности, приверженности традиционным ценностям. В то же время вторая часть биографии (главы 5, 21–24), в основном рассказывающая о частной жизни Катона, находится в прямом противоречии с первой, рисуя совершенно иной облик героя. Этот Катон участвует в ростовщических операциях, занимается работоторговлей и сводничеством, проявляя при этом такие черты характера, как алчность, жестокость и похотливость⁷. Обращает на себя внимание, что сомнению подвергается не столько частная жизнь Катона, сколько его гражданские качества, если только у римского политика эпохи Республики вообще существовала четкая грань между публичной и частной жизнью. Перед нами вновь два образа, между которыми трудно найти точки соприкосновения. Пытаясь как-то обойти это противоречие, Д. Кинаст предположил, что Плутарх использовал данные некоего антикатоновского памфлета. С другой стороны, он обращает внимание на то, что Плутарх намечает в биографии Катона схему, которую, одна-

¹ Следует отметить, что для отечественной историографии подобная постановка вопроса не является чем-то новым. Попытка реконструкции римской системы ценностей на основе традиции о Катоне была предпринята С.Л. Утченко и А.Л. Кацем [21, с. 19–33; 22, с. 30–47; 9, с. 89–90; 10, с. 91–95].

² Liv.XXXIX.40.10: *Asperi procul dubio animi et linguae acerbae et immodice liberae fuit sed invicti a cupiditatibus animi et rigidae innocentiae, contemptor gratiae, divitiarum.*

³ Liv.XXXII.27.3: *vir...sanctus et innocens.*

⁴ Liv.XXXVII.57.13: *cuius auctoritatem perpetuo tenore vitae...*

⁵ Liv.XXXVII.57.15: *...instabili periurio.*

⁶ В данном случае уместно обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от современного понятия, имеющего исключительно морально-этическую природу, в древнем Риме понятие «чести» имело правовой характер, влияя на правоспособность лица. Так, умаление гражданской чести в форме «*infamia*» приводило к многочисленным ограничениям не только в области частного, но и публичного права (например, к лишению лица *ius honorum*, т.е. права занимать государственные должности).

⁷ Целью второй части катоновской биографии, по мнению М.Е. Сергеевко, было намерение показать, что у Катона «нет основной римской добродетели: *fides* – честности, верности. На него нельзя положиться... он *homo infidus*» [18, с. 158–159].

ко, он не развил. Она обозначена в тексте ключевыми фразами: (1) «вначале, когда он был еще беден и нес военную службу...» и (2) «позже, разбогатев и задавая пиры друзьям и товарищам по должности...» (XXI. 3–4) [6, с. 24–25, 34–36]. Исходя из этой схемы, им было предложено следующее объяснение: в начале своей карьеры Катон действительно был беден, полностью соответствуя характеристике благочестивого и бесспорного мужа. Однако, достигнув высших должностей государства, во второй половине своей жизни Катон разбогател, стал вести роскошный образ жизни и заниматься тем, что он столь неистово порицал когда-то [12, с. 41, прим. 2]. При внешней убедительности это объяснение тем не менее вызывает определенные сомнения. Д. Кинаст, приняв во внимание увлеченность Плутарха морально-философской тематикой, вообще счел сведения о позднем периоде жизни Катона литературным упражнением на тему о превращении бедного стойка в богатого эпикурейца [6, с. 25]. Можно привести следующие аргументы в пользу такой точки зрения.

Во-первых, в текстах Катона Старшего присутствует решительное осуждение ростовщичества и ни один из известных нам его текстов не говорит об обратном. В «Земледелии» он прямо и недвусмысленно указывает: «Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь только это почетно. Предками нашими так принято и так в законах изложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. По этому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином по сравнению с вором»⁸. Подтверждением слов Катона является сообщение Ливия о том, что во время претурсы 198 г., управляя Сардинией, Катон изгнал с острова ростовщиков, «выказав сугубую суровость в пресечении ростовщичества»⁹. Во-вторых, о «роскоши» позднего периода жизни Катона можно судить по отрывку из Авла Геллия: «Марк Катон, который был консулом и цензором в то время, когда и государство и частные лица стали уже жить богаче, говорил, что до того как ему исполнилось семьдесят лет, стены его безыскусных и грубо выстроенных загородных домов не отделялись штукатуркой. И далее он произнес следующие слова: «У меня, – сказал он, – нет ни ценных сооружений, ни сосудов, ни одежд, ни дорогого раба или рабыни. Если есть то, чем я могу воспользоваться, я пользуюсь; если нет, то обхожусь. По мне пусть каждый пользуется и наслаждается своим». Затем он добавляет: «Меня порочат тем, что я обхожусь без многого, а я их в том, что они не могут обойтись

без этого»¹⁰. Подтверждение этого сообщения содержится в 4-й главе катоновской биографии Плутарха. В-третьих, в эпитоме 48-й книги Ливия, описывающей события 152–151 гг. до н.э., содержится упоминание о том, что Катон был вынужден хоронить старшего сына, скончавшегося в должности претора, самым дешевым образом, поскольку он был беден¹¹.

Аналогичная проблема возникает при попытке систематизировать данные о характере и стиле поведения Катона. Данный вопрос приобретает значимость при сопоставлении характеристики Цензора в традиции с общественным стереотипом, относящимся к римлянину «старого образца», и существовавшим, по крайней мере, с эпохи Поздней республики¹². Действительно, дисциплинированность, религиозность, здравомыслие, серьезность, практицизм – все это присутствует в характере Катона, может быть даже в несколько гиперболизированном виде. Однако, обратившись непосредственно к текстам Катона, трудно отыскать там следы его знаменитой суровости, черствости и бездушия. Напротив, мы можем обнаружить там другого Катона, борющегося с беззаконием, произволом и жестокостью римских магистратов. Сохранившиеся фрагменты его речей убедительно демонстрируют эту грань личности Цензора¹³. Пожалуй, наибольшее влияние на восприятие образа Катона оказали 4-я и 5-я главы его биографии, построенные вокруг совета избавляться от старых и болезненных рабов. Однако в данном случае сочинение Плутарха не может рассматриваться как самостоятельный источник, что довольно часто происходит¹⁴.

Таким образом, присутствующий в традиции образ Катона Старшего не выдерживает проверки на цельность и непротиворечивость. На примере сочинений Ливия и Плутарха можно видеть, что сведения античных авторов не позволяют вынести однозначное суждение о личностных качествах Катона. То, что внутри отдельно взятого текста наблюдаются весьма значительные противоречия, заставляет обратить внимание на источники, которыми пользовались первые авторы, писавшие о Катоне. Все они могут быть сведены в несколько условных групп. Во-первых, это тексты самого Катона: речи, трактат «Земледелие», исторический труд «Начала», сборники писем и изре-

⁸ Cat.Agr.Praef.1: Est interdum praestare mercaturis rem quaerere, nisi tam periculosum sit, et item foenerari, si tam honestum. Maiores nostri sic habuerunt et ita in legibus posiverunt: furem dupli condemnari, foeneratorem quadrupli. Quanto peiorem civem existimant foeneratorem quam furem, hinc licet existimare. Здесь и далее пер. М.Е. Сергеенко.

⁹ Liv.XXXII.27.3-4: Sardiniam M. Porcius Cato obtinebat, sanctus et innocens, asperior tamen in faenore coerendo habitus; fugatique ex insula faeneratores et sumptus quos in cultum praetorum socii facere soliti erant circumcisi aut sublatis. У Нонния Марцелла и Феста имеются упоминания о существовании речи «Dissuasio leges Juniae defeneratione», приписываемой Катону (Fest. P. 58-59 M).

¹⁰ Gell.XIII.24.1: M. Cato consularis et censorius publicis iam privatisque opulentis rebus villas suas inexcultas et rudes ne tectorio quidem praelitas fuisse dicit ad annum usque aetatis suae septuagesimum. Atque ibi postea his verbis utitur: «Neque mihi» inquit «aedificatio neque vasum neque vestimentum ullum est manupretiosum neque pretiosus servus neque ancilla. Si quid est.» inquit «quod utar, utor; si non est, egeo. Suum cuique per me uti atque frui licet» Tum deinde addit: «Vitio vertunt, quia multa egeo; at ego illis, quia nequeunt egere».

Пер. А.Г. Грушевого.

¹¹ Liv.Per.XLVIII: M. Porcius Cato filii in praetura mortui funus tenuissimo ut potuit (nam pauper erat) sumptu.

¹² Т.И. Кузнецова и И.П. Стрельникова отмечают в этой связи: «Катон... наиболее полно воплотил в себе ту самую "summa virtus", то сочетание лучших качеств подлинно римской природы, без которых... не могло быть истинного государственного мужа и общественного деятеля» [13, с. 10].

¹³ MF58, 59–60, 69–71, 154–155, 163–169, 173, 176, 177–181, 196–199.

¹⁴ Поскольку Плутарх в своем труде выступает лишь в качестве комментатора 2-й главы «Земледелия», основное внимание должно быть уделено тексту Катона. Подробный разбор этого сюжета см.: [11, с. 37–66].

чений, знакомство с которыми в той или иной степени обнаруживают все писавшие о нем авторы. Вторых, сочинения анналистов, сведениями которых пользовались Непот, Цицерон и Ливий. В качестве третьей выступает устная традиция [8, с. 71]. В четвертых, это семейный архив Порциев, куда, помимо сочинений Катона, входили *laudatio funebris* и *liber commentarius de familia Porcia*, о которых упоминает Авл Геллий (XIII.20.17). Наконец, в особую группу некоторые исследователи выделяют интуицию и фантазию авторов, писавших о Катоне [16, с. 58]. Как можно видеть, практически все указанные группы источников – в наименьшей степени это относится к катоновским текстам – вызывают сомнения в части надежности и точности передачи сведений о характере, поведении и привычках Катона¹⁵.

Эпоха, в рамках которой были созданы первые произведения о Цензоре, была чрезвычайно благоприятной для создания образа «легендарного» Катона. В условиях кризиса не только общественно-политических институтов, но и идеалов и ценностей Республики, в определенных кругах общества не могла не возникнуть ностальгия по относительно недавним временам расцвета и стабильности римской общины. Человеком, ярко и полно выразившим суть той эпохи, был, несомненно, Марк Порций Катон. В том, что акцент был сделан на его суровости, жесткости, борьбе за неукоснительное соблюдение закона, следует видеть влияние времени, когда происходит оформление соответствующей традиции. Катон воплотил в своей деятельности все то, что казалось утерянным, размытым, уходящим из жизни римского общества I в. до н.э. Таким образом, в его литературном образе отразились не только проблемы его собственной эпохи, но и острейшие противоречия Поздней Республики. То, что реальный Катон был намного шире и богаче своего литературного двойника, показывает простой перечень тех сфер деятельности, где он проявил себя – политика, военное дело, сельское хозяйство, право, ораторское искусство, литература, история, медицина, педагогика [17, с. 189; 13, с. 10]. Исследователи, писавшие о нем, неоднократно отмечали, что традиционное представление об гиперконсерватизме Цензора достаточно условно. В действительности Катон выступил как смелый новатор практически во всех областях, к которым он имел хоть какое-то отношение: в политике (знаменитая цензура и судебные процессы), литературе (первый исторический труд на

латинском языке и история для детей), сельском хозяйстве (первый трактат об организации производства на вилле) и др. Еще раз отметим то обстоятельство, что суровость, жесткость, целеустремленность были качествами, присущими и востребованными той эпохой, которую своей жизнью наиболее адекватно выразил именно Катон. Как представляется, в реальности он был не более суров и жесток, чем Марк Клавдий Марцелл на Сицилии, Квинт Фульвий Флакк, усмирявший Кампанию, Сципион Африканский в Испании (эпизод с Массиниссой и Софонисбой). Цельность и суровость Катона – суть его времени, достаточно архаичного по сравнению с Поздней Республикой. Однако в процессе превращения Катона в символ эпохи и оформления литературно-риторического образа на задний план отошли такие его качества, как красноречие, остроумие, широта кругозора, жизнелюбие.

Говоря о создании литературной легенды о Катоне, нельзя обойти вопрос об ее авторах¹⁶. Как показал Ф. Делла Корте, одним из авторов этой легенды был Марк Туллий Цицерон [1, р. 101–108]. Кроме того, краткую биографию Катона написал Корнелий Непот, который в конце своего сочинения упоминает о том, что существует отдельная книга о Цензоре, написанная по просьбе Помпония Аттика (*Cat.3.5*). Это заставляет обратить внимание на фигуру Тита Помпония Аттика, современника Цицерона и Непота, который и сам довольно активно занимался изучением римской истории, в частности списков магистратов и генеалогий знатных фамилий. Как передает Корнелий Непот, Тит Помпоний Аттик в стихах воспевал выдающихся граждан, перечисляя под изображением того или иного героя его деяния и должности (*Att.18.2*). В частности, им были составлены генеалогические таблицы Марцеллов, Фабиев и Эмилиев. Известно, по крайней мере, о трех исторических сочинениях, принадлежавших Помпонию Аттику. Судя по всему, он был хорошо осведомлен о периоде III–II вв. до н.э. Корнелий Непот особо отмечает, что он рьяно подражал нравам предков и был любителем старины, которую он тщательно изучил и описал в книге, посвященной порядку магистратур (*Att.18.1*). Весьма важным представляется то обстоятельство, что Аттик был связан дружескими отношениями как с Цицероном, так и с Непотом. Последний в жизнеописании Тита Помпония Аттика называет себя его другом, проявляя большую осведомленность о его частной жизни¹⁷. То, что дружеские отношения между Цицероном, Аттиком и Непотом сопровождалась близостью их общественно-политических взглядов, позволяет предположить, что они и составили тот круг, в котором получила литературное оформление традиция о Катоне.

¹⁵ Необходимо учитывать и контекст эпохи, в которую была заложена основа восприятия образа Катона в традиции. Римская историография эпохи Принципата унаследовала все основные принципы и целевые установки анналистики. В особенности это относится к возникшей в начале I в. до н.э. младшей анналистике, сведениями которой пользовались Корнелий Непот, Цицерон и Ливий. К характерным для нее чертам следует отнести проецирование реалий современной авторам политической борьбы на события прошлого, которое рассматривалось под углом зрения текущих социально-политических проблем. Именно младшая анналистика стала активно использовать эллинистическую риторическую технику в историографии. Сведения младших анналистов в целом достаточно низко оцениваются с точки зрения достоверности, поскольку авторы этого направления в интересах политической борьбы прибегали к прямой фальсификации исторического материала, включая удвоение событий, перенесение позднейших событий в более раннюю эпоху, искажения и умолчания [20, с. 68–69; 14, с. 90].

¹⁶ В историографии существует ставший устойчивым термин «сципионовская легенда», по аналогии с которым можно говорить о существовании «катоновской легенды» [7, р. 54–69; 5; 15, с. 553–567].

¹⁷ *Nep.Att.13.7: Atque hoc non auditum, sed cognitum praedicamus: saepe enim propter familiaritatem domesticis rebus interfuimus (И утверждаю это не по слухам, но по личному опыту, ибо, как друг, часто бывал причастен к его домашним заботам). Пер. Н.Н. Трухиной.*

Однако ключевой в процессе создания «катоновской легенды» выглядит, по нашему мнению, фигура Марка Порция Катона Младшего, достаточно близкого к обозначенному кругу лиц¹⁸. Именно Катон Младший, не только обладавший доступом к семейному архиву Порциев, но и бывший прямым родственником Цензора, имел самые большие возможности для переосмысления и реактуализации преданий о своем прадеде. В традиции имеются свидетельства того, что между Цицероном и Катон Младшим шел своеобразный диалог вокруг фигуры Цензора. В речи «Pro Мигена» Цицерон, обращаясь к Катону Младшему, говорит: «Кто по твоему мнению, был более доступен, более участлив, более умерен, чем твой прадед Катон, более него обладал всеми чертами, свойственными подлинному человеку?...Если же ты добавишь к своей строгости его благожелательность и доступность, то твои качества, и без того выдающиеся, правда, лучше не станут, но, во всяком случае, будут приправлены приятнее»¹⁹. В этой связи обращает на себя внимание упоминание у Непота неких поклонников старшего Катона (*studiosos Catonis*), для которых он по просьбе Атика написал большую биографию Цензора. С другой стороны, вызывает вопросы непривычная трактовка личных качества Катона Старшего в ранней речи Цицерона. Катон Младший был современником первых авторов, писавших о его знаменитом предке, и представления о Катоне Старшем, скорее всего, во многом формировались под влиянием его личности. Д. Кинаст отметил, что образ Катона Старшего, созданный Ливием, куда больше напоминает Катона Младшего в изображении Цицерона. Для обоснования своей мысли исследователь проводит сравнение эпитетов, применяемых Ливием к Катону Старшему и Цицероном к Катону Младшему, отметив их значительное сходство [6, s. 20].

Большое количество параллельных с биографией Цензора сюжетов выявлено в «Катоне Младшем»

¹⁸ Следует отметить, что уже древние авторы могли путать не столь уж многочисленных представителей семейства Порциев Катонов. Хотя самые известные из них, Марк Порций Катон Старший Цензор и Марк Порций Катон Младший Утический имели сразу три когномена, что позволяет нам отличать их друг от друга, в письменных источниках того времени они могли быть совершенно неразличимы. Это хорошо видно на примере внука Катона Старшего, консула 118 г. до н.э., который в *Fasti Capitolini* фигурирует как *M. Porcius M. f. M. n. Cato*, тогда как его дед, консул 195 г. до н.э. – как *M. Porcius M. f. Cato*. Ситуация усугубляется тем, что при перечислении цензоров 184 г. до н.э. Катон Старший уже присутствует как *M. Porcius M. f. M. n. Cato*, т.е. становится практически неотличим от своего внука [2, p. 64–65, 166]. На то, что это не надуманная проблема, указывает присутствующая в «Аттических ночах» Авла Геллия дискуссия по поводу сочинений некоего Марка Катона Непота (XIII.20), в котором некоторые ее участники видят Марка Порция Катона Утического, а другие – консула 118 г. до н.э. Марка Порция Катона, как и дед, бывшего известным оратором, тогда как его отец, Марк Порций Катон, претор не установленного года, был знатоком права (XIII.20.7.9).

¹⁹ *Cic. Mur. 66: Quemquamne existimas Catone, proavo tuo, communiorem, communiorem, moderatiorem fuisse ad omnem rationem humanitatis? De cuius praestanti virtute cum vere graviterque diceres, domesticum te habere dixisti exemplum ad imitandum. Est illud quidem exemplum tibi propositum domi, sed tamen naturae similitudo illius ad te magis qui ab illo ortus es quam ad unum quemque nostrum pervenire potuit, ad imitandum vero tam mihi propositum exemplum illud est quam tibi. Sed si illius comitatem et facilitatem tuae gravitati severitatisque asperseris, non ista quidem erunt meliora, quae nunc sunt optima, sed certe condita iucundius.*

Плутарха. Так, в 3-й и 6-й главах сообщается о воздержанности и бережливой жизни Катона Младшего. В 5-й главе он протестует против сноса Порциевой базилики, построенной его прадедом, причем особо отмечается его полновесная и суровая речь²⁰. В 8-й и 9-й главах Катон Младший сравнивается с Цензором в умении быть дисциплинированным, храбрым, расчетливым, презирать изнеженность и роскошь. В 10-й главе содержится рассказ о том, как Катон Младший вывез из Пергама философа-стоика Афинодора²¹. В 16–18 главах Плутарх сообщает о необычайно строгой и суровой квестуре Катона Младшего. В 21-й главе Плутарх, описывая Катона Младшего как судебного оратора, отмечает, что будучи грозным и даже страшным на ораторском возвышении или в сенате, в обычной жизни он был со всеми благожелателен и приветлив. Сообщение это корреспондирует как с приведенным выше отрывком из речи Цицерона, так и со словами Ливия о том, что какой бы мягкой ни была душа Катона Старшего, «сколь грозен, а иной раз свиреп бывает он в своих речах». Наконец, даже врагом Катона Младшего был представитель дома Сципионов – Сципион Метелл (*Cat. Min. VII.1-3*)²².

Биография Плутарха позволяет предположить, что Катон Младший дублирует своего прадеда, поскольку количество параллельных мест исключает случайность отмеченных совпадений. Высказанное мнение на сегодняшний день является общепризнанным. Оно основывается на предположении, что Катон Младший избрал в качестве жизненного образца своего знаменитого предка, соотнося с его жизнью собственные поступки. Однако в дальнейшем это могло привести к тому, что часть сведений о жизни Катона Младшего попала в источники, относящиеся к Цензору. Подтверждением этой мысли служит то, что сходство двух Катонов проявляется не только в области добродетелей, но и пороков. Катон Младший еще при жизни обвинялся в занятии ростовщичеством, крайней скупости и корыстолюбии. Сюжет с женитьбой престарелого Цензора на молодой Салонии перекликается с рассказом о Катоне Младшем и Марции (*Plut. Cat. Mai. 25; Cat. Min. 25*). Предположение Кинаста о том, что авторы сочинений о Катоне Старшем пользовались данными какого-то антикатоновского памфлета, наталкивается на серьезное препятствие, связанное с тем, что в традиции отсутствуют сведения как об авторах подобного сочинения, так и о времени его написания. Это обстоятельство настораживает, поскольку сочинение такого рода вряд ли могло появиться ранее I в. до н.э., и, следовательно, должно

²⁰ В результате образуется довольно интересная конструкция: у Катона Старшего есть речь в поддержку постройки базилики, у Катона Младшего – речь против ее сноса.

²¹ Это свидетельство выводит нас сразу на два сюжета. Первый – это сообщение Плутарха о том, что Катон Старший после взятия Тарента посетил занятия философа Нейарха (*Cat. Mai. II.3*). Второй – рассказ Корнелия Непота о том, что Катон Старший вывез из Сардинии поэта Энния (*Nep. Cat. I.4*).

²² Речь идет о Квинте Цецилии Метелле Пие Сципионе Назике, консуле 52 г. до н.э. По рождению он принадлежал к старшей ветви Корнелиев Сципионов. Его предок, Публий Корнелий Сципион, консул 191 г. до н.э., за форму носа получивший прозвище *Nasica*, был сыном Гнея Корнелия Сципиона Кальва и двоюродным братом Публия Корнелия Сципиона Африканского.

было оставить какой-то след в традиции. С другой стороны, достоверно известно о существовании политического памфлета под названием «Антикатон», направленного против Катона Младшего, авторство которого приписывается Гаю Юлию Цезарю²³. Наше предположение о том, что образ Цензора формировался под значительным воздействием личности Катона Младшего, позволяет объяснить и те противоречия в подаче образа Катона Старшего, которые присутствуют у Ливия и Плутарха. Не совсем ясно, имело ли место прямое перенесение негативной информации о Катоне Младшем в корпус сведений о Цензоре или же создание той части традиции, которая рисует последнего резко отрицательно, шло по аналогии с жизнью и поступками правнука знаменитого героя. В любом случае это позволяет объяснить шлейф прилипших к Катону Старшему дурных поступков и недостойных занятий, выглядящих анахронизмом для начала II в. до н.э., но органически вписывающихся в эпоху Поздней республики.

Выводы, к которым мы пришли, позволяют вновь вернуться к нашему предположению о том, что существовал своего рода диалог между Цицероном и Катонем Младшим, переросший в дискуссию, по поводу личности Катона Старшего. В этой связи обращает на себя внимание цицероновский трактат «*Vrutus*», в котором автором несколько раз последовательно проводится одна и та же мысль. Цицерон пишет: «Мы считаем Катона очень древним писателем, хотя он умер в консульство Луция Марция и Манья Манилия, всего лишь за восемьдесят шесть лет до моего консульства». Далее он замечает: «А Катона разве хоть кто-нибудь из нынешних ораторов читает? Кто его вообще знает? А ведь какой был человек, о боги!». Через несколько строк Цицерон вновь возвращается к этой теме: «Откуда взялась эта любовь к Лисию и Гипериду в то время, когда никто не знает Катона? Да, язык его устарел, и слова иной раз режут слух. Но ведь тогда так говорили!»²⁴. Собственно, Цицерон говорит о том, что в Риме его времени Катон Старший, по сути, был неизвестен. Это заявление, на наш взгляд, может быть понято лишь в контексте интеллектуального соперничества Цицерона с Катонем Младшим, поскольку оба они активно использовали образ Цензора в политической борьбе. Обратимся вновь к уже цитировавшемуся отрывку из речи в защиту Мурены, несколько расширив цитату: «Кто, по твоему мнению, был более доступен, более участлив, более умерен, чем твой прадед Катон... Справедливо и с достоинством говоря о его выдающейся доблести,

ты сказал, что пример для подражания есть в твоём собственном доме. Правда, пример этот в твоём доме тебе дан; натура прадеда тебе, его потомку, могла передаться более, чем кому-либо из нас, но, как образец для подражания, он стоит передо мной, право, так же, как и перед тобой. Если же ты добавишь к своей строгости и суровости его благожелательность и доступность, то твои качества, и без того выдающиеся, ... будут приправлены приятнее»²⁵. Особо остановившись на вопросе о природе чрезмерной строгости и суровости Катона Младшего, Цицерон не видит здесь влияния Цензора, которого он, напротив, считает образцом умеренности и снисходительности. В то же время Цицерон заявляет о влиянии на младшего Катона философского учения, «далекого от умеренности и мягкости... несколько более сурового и строгого, чем это допускает действительность или природа»²⁶. Он пишет: «...Те дарованные богами выдающиеся качества, какие мы видим у Марка Катона, свойственны ему самому, те же, как их мы подчас ищем у него и не находим, все происходят не от природы, а от его учителя. Жил некогда муж необычайного ума, Зенон; ревнителей его учения называют стоиками. Его мысли и наставления следующие: мудрый никогда не бывает лицеприятен, никогда и никому не прощает проступков: никто не может быть милосердным, кроме глупого и пустого человека; муж не должен уступать просьбам, ни смягчаться... мудрец ни над чем не задумывается, ни в чем не раскаивается, ни в чем не ошибается, своего мнения не изменяет. Вот взгляды, которые усвоил Марк Катон, человек высокого ума, следуя ученым наставникам, и не для того, чтобы вести споры, как поступает большинство людей, но чтобы так жить»²⁷.

Таким образом, Цицерон, по сути, указывает на то, что Катон Младший перенес представления об идеальном римлянине, сформировавшиеся под влиянием стоицизма, на своего прадеда. Иначе говоря, он показывает искусственную, литературно-риторическую природу

²³ Как принято считать, памфлет Цезаря был ответом на сочинение Цицерона апологетического характера «Катон». Труд Цезаря в двух книгах не сохранился и известен лишь по фрагментам и ссылкам других авторов. Также Марк Юний Брут написал свою версию «Катона» (вероятно, после появления сочинения Цезаря), а затем Октавиан Август написал свою версию «Антикатона». Ни одно из этих сочинений не сохранилось [3, p. 2].

²⁴ Cic.Brut.61: Eumnos utperveterem habemus, qui L. Marcio M. Manilio consulibus mortuus est, annis xxxvii pisan teme consulum; 65: Catonem vero quis nostrorum oratorum, qui quidem nunc sunt, legit? aut quis novit omnino? at quem virum, di boni!; 68: cur igitur Lysias et Hyperides amatur, cum penitus ignoretur Cato? antiquior est huius sermo et quaedam horridiora verba. ita enim tum loquebantur. Пер. И.П. Стрельниковой.

²⁵ Cic.Mur.66: Quemquamne existimas Catone, proavo tuo, commodiorem, communiorem, moderatiorem fuisse ad omnem rationem humanitatis? De cuius praestanti virtute cum vere graviterque diceres, domesticum te habere dixisti exemplum ad imitandum. Est illud quidem exemplum tibi propositum domi, sed tamen naturae similitudo illius ad te magis qui ab illo ortus es quam ad unum quemque nostrum pervenire potuit, ad imitandum vero tam mihi propositum exemplar illud est quam tibi. Sed si illius comitatem et facilitatem tuae gravitati severitatisque asperseris, non ista quidem erunt meliora, quae nunc sunt optima, sed certe condita iucundius. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна.

²⁶ Cic.Mur.60: Accessit istuc doctrina non moderata nec mitis sed, ut mihi videtur, paulo asperior et durior quam aut veritas aut natura patitur.

²⁷ Cic.Mur.61-62: In M. Catone, iudices, haec bona quae videmus divina et egregia ipsius scitote esse propria; quae non numquam requirimus, ea sunt omnia non a natura verum a magistro. Fuit enim quidam summo ingenio vir, Zeno, cuius inventorum aemuli Stoici nominantur. Huius sententiae sunt et praecepta eius modi. Sapientem gratia numquam moveri, numquam cuiusquam delicto ignoscere; neminem misericordem esse nisi stultum et levem; viri non esse neque exorari neque placari; solos sapientes esse, si distortissimi sint, formosos, si mendicissimi, divites, si servitutum serviant, reges; nos autem qui sapientes non sumus fugitivos, exsules, hostis, insanos denique esse dicunt; omnia peccata esse paria; omne delictum scelus esse nefarium, nec minus delinquere eum qui gallum gallinaceum, cum opus non fuerit, quam eum qui patrem suffocaverit; sapientem nihil opinari, nullius rei paenitere, nulla in re falli, sententiam mutare numquam. Hoc homo ingeniosissimus, M. Cato, auctoribus eruditissimis inductus adripuit, neque disputandi causa, ut magna pars, sed ita vivendi.

того образа Цензора, который пропагандировал Катон Младший. Спор между ними шел вокруг понимания главных, сущностных черт характера Катона Старшего, на которого проецировались их представления о качествах идеального гражданина. При этом они неизбежно переносили на его образ не только модель идеального *vir bonus*, но и собственные личностные характеристики.

Очевидно, что и «цицероновский», и «катоновский» образы Цензора достаточно условны. В то же время в основе своей они историчны, поскольку отбор личностных характеристик Катона Старшего производился исходя из результатов его общественной и государственной деятельности. Это утверждение, казалось бы, вступает в противоречие с идеей о том, что версия Катона Младшего основывалась на стоическом идеале, перенесенном на реального человека. На наш взгляд, противоречия здесь все же нет. Как известно, формирование Римской (Средней) Стои было связано с окружением Публия Корнелия Сципиона Эмилиана, в которое, помимо римских политиков, входили представители греческого стоицизма – философ Панетий и историк Полибий. По мнению С.Л. Утченко, именно Панетий модифицировал центральное понятие стоической этики – образ мудреца, приспособив его к римским условиям. Как отмечает исследователь, учение Панетия «давало возможность отойти от философски сублимированного идеала мудреца, в частности, выработать гораздо более реальный в римских условиях образ идеального гражданина (*vir bonus*), что и было сделано Цицероном в «*De officiis*», на основе трансформированной Панетием старостойческой этики» [23, с. 89–91]. Адаптация стоических идей к традиционной системе ценностей (*mos maiorum*) вызвала к жизни учение о *vir bonus*, потребовав переработки содержащихся в устных преданиях и анналистической традиции сведений о выдающихся римлянах, в том числе и о Катоне Старшем. Цицерон в этой связи передает сведения о том, что Сципион Эмилиан в юности воспитывался Катонем Старшим (R.p.II.1). При всех сомнениях в точности этого сообщения, возможно, являющегося частью литературно-философской традиции, определенная близость общественно-политических взглядов Катона Старшего и Сципиона Эмилиана не вызывает сомнений [19, с. 163–165]. Для участников «сципионовского кружка» Катон Старший в качестве римского инварианта стоического мудреца должен был стать наиболее подходящей кандидатурой. В литературе высказывалось мнение о том, что распространение устной традиции о Катоне шло через окружение Сципиона Эмилиана [4, с. 72]. В связи с этим высока вероятность того, что сведения о Катоне Старшем были переосмыслены в духе римского стоицизма в рамках интеллектуальных штудий «сципионовского кружка» и уже в таком виде восприняты Катонем Младшим, ревностно следовавшим этому учению. Последний, так же как и Цицерон, активно использовал фигуру Цензора в политической и идеологической борьбе эпохи кризиса Республики. В конечном счете, в процессе создания литературного образа Катона Старшего, в котором приняли участие Марк Туллий Цицерон, Тит Помпоний Аттик, Корнелий Непот и Марк Порций Катон Младший, нашли

свое отражение идеалы и ценности сенатско-аристократических кругов периода Поздней республики.

Литература

1. Della Corte, F.: *Catone Censore, la vita e la fortuna* / F. Della Corte. – Torino, 1949. – 190 p.
2. *Fasti Capitolini* / rec. A. Degrassi. – Torino, 1954. – 191 p.
3. Frost, B.P. An Interpretation of Plutarch's Cato the Younger / B. P. Frost // *History of Political Thought*. – 1997. – 18. – P. 2–23.
4. Gnauk, R. Die Bedeutung des Marius und Cato Maior für Cicero / R. Gnauk. – Berlin, 1935. – 104 s.
5. Goar, R.J. The Legend of Cato Uticensis from the first century B.C. to the fifth century A.D. / R.J. Goar. – Bruxelles, 1987. – 114 p.
6. Kienast, D. Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit / D. Kienast. – Darmstadt, 1979. – 170 s.
7. Walbank, F.W. The Scipionic Legend / F.W. Walbank // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. – 1967. – 193. – P. 54–69.
8. Дуров, В.С. Художественная историография древнего Рима / В.С. Дуров. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1993. – 144 с.
9. Кац, А.Л. Проблема рабства у Плавта и Катона / А.Л. Кац // *Вестник древней истории*. – 1964. – № 3. – С. 81–90.
10. Кац, А.Л. Социальная направленность творчества Плавта / А.Л. Кац // *Вестник древней истории*. – 1980. – № 1. – С. 72–95.
11. Квашнин, В.А. Категории времени и пространства в тексте Катона Старшего: к вопросу о «старом рабе» (Cat.Agr.2.7) / В.А. Квашнин // *Формы и способы презентации времени в истории*. – Москва: ИВИ РАН, 2009. – С. 37–66.
12. Кузищин, В.И. Земельные владения Марка Порция Катона Старшего (Структура крупного землевладения в Италии во II в. до н.э. до реформ Гракхов) / В.И. Кузищин // *Вестник древней истории*. – 1975. – № 4. – С. 41–59.
13. Кузнецова, Т.И. Ораторское искусство в древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – Москва: Наука, 1976. – 288 с.
14. Кузнецова, Т.И. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий / Т.И. Кузнецова, Т.А. Миллер. – Москва: Наука, 1984. – 216 с.
15. Леус, В.А. «Легенда о Сципионе» / В. А. Леус // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. – Москва: Издательство РХГА, 2016. – С. 553–567.
16. Майоров, Г.Г. Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона (К вопросу об особенностях римской мифологии истории) / Г.Г. Майоров // *Античная культура и современная наука*. – Москва: Наука, 1985. – С. 55–61.
17. Модестов, В.И. Лекции по истории римской литературы: в 2 т. / В.И. Модестов. – Киев: Издательство Киевского университета, 1873. – Курс первый. – 352 с.
18. Сергеев, М.Е. Из заметок о Катоне / М. Е. Сергеев // *Вестник древней истории*. – 1976. – № 3. – С. 154–159.
19. Трухина, Н.Н. Политика и политика «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.) / Н.Н. Трухина. – Москва: МГУ, 1986. – 188 с.
20. Утченко, С.Л. Некоторые тенденции развития римской историографии (III–I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко // *Вестник древней истории*. – 1969. – № 2. – С. 66–75.
21. Утченко, С.Л. Две шкалы римской системы ценностей / С.Л. Утченко // *Вестник древней истории*. – 1972. – № 4. – С. 19–33.

22. Утченко, С.Л. Еще раз о римской системе ценностей / С.Л. Утченко // Вестник древней истории. – 1973. – № 4. – С. 30–47.
23. Утченко, С.Л. Политические учения древнего Рима (III – I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1977. – 257 с.

V.A. Kvashnin

TWO CATOS: BEGINNING OF THE «LEGEND OF CATO»

The article is devoted to the development of the literary and rhetorical image of the famous statesman of the Roman Republic of the 2nd century BC Marcus Porcius Cato in the ancient historiography. This image was called the «legend of Cato». Its creators were a group of Roman intellectuals, led by Marcus Tullius Cicero. One of the peculiarities of the creation of this legend was the fact that Cato the Younger's personal characteristics and behavior patterns were transferred to the personality of Cato the Elder.

Ancient Rome, Cato the Elder, Cato the Younger, ancient historiography, Stoicism.